

Когда она обратила внимание на Ходжинса, который искал, что сказать, пока он шел к ней, она открыла свой рот первой: «Майор... где... майор Гил... Берт?» На ее губах были трещины от сильной сухости, в них текла кровь.

«Маленькая Вайолет... ты была немного похожа на спящую красавицу.».

Девушка была раненым солдатом, как и другие пациенты. Она была движущей силой армии Лейденшафтлиха, действовавшей из тени без какой-либо регистрации - оружие, которое мог использовать только определенный человек, Вайолет.

«Ты меня узнаешь? Это Ходжинс. Я командовал подразделениями Лейденшафтлиха в Интенсе. Видишь ли, в ночь последней битвы мы приветствовали друг друга, помнишь? Ты не просыпалась, поэтому я волновался.».

Однако для Ходжинса тот факт, что она была солдатом, которого воспитал его лучший друг, был более значительным. Когда другие пациенты начали разговаривать друг с другом тихим шепотом, он закрыл занавески и сел на ближайший стул.

Вайолет посмотрела в щель между шторами. Она, вероятно, ожидала, что кто-то войдет оттуда. «А что насчет майора...?».

«Его здесь нет. Так как он... занят из-за послевоенной победы. Это не та ситуация, когда у него есть возможность приехать »..

«Тогда ... тогда ... он жив, верно ... ?!».

«Так... и есть...».

«Как насчет его ран? Как они?».

Ошеломленный её неистовой агрессивностью, Ходжинс тянул с ответом. «С точки зрения травм он был в лучшем состоянии, чем ты. Ты должна больше беспокоиться о себе.».

«Что бы ни случилось со мной ... не имеет ...», на мгновение Вайолет заглянула в глаза Ходжинсу, словно подозревая что-то. «Является ли эта информация правдой?» Ее взгляд был ледяным. Именно из-за того, что она была так прекрасна, ее внешнее чудовищность увеличилось с этим.

И все же Ходжинс не сводил глаз с ее голубых глаз.

С другой стороны, он улыбнулся. «Не беспокойся, Маленькая Вайолет. Я пришел к тебе в гости, потому что он попросил меня об этом.» Нежным тоном он создал максимально теплую атмосферу.

Такова была специальность Ходжинса. От восхваления его начальства до пробивания в женские спальни процесс был другим, но техника была той же.

«Майор ... попросил?»

Во-первых, он должен был заставить другую сторону думать о нем как о союзнике.

«Да. Мы стали лучшими друзьями с тех пор, как мы учились в военной академии. Мы всегда помогаем друг другу, когда что-нибудь случается. Мы возможно лучше знакомы друг с другом, чем с нашими родителями. Вот почему мне также доверили тебя. Гилберт беспокоится о тебе.

Я доказательство этого. Хотя ты могла и забыть меня ...».

«Нет... майор Ходжинс. Я припоминаю. Это был второй раз ... мы уже встречались.».

«Э, ты помнила первую встречу? Ты ... не сказала этого в ночь последней битвы.».

Ходжинс сказал во время их второй встречи:

«Ну, это не твоя первая встреча со мной, но ты этого не помнишь, не так ли? Я односторонний ваш знакомый. Зови меня «майором Ходжинсом». И в ответ Вайолет просто приветствовала его.

«Я не думала, что меня просят говорить.».

«Ты действительно помнишь ... нашу встречу на тренировках?»

«Я тогда еще не выучила слов, поэтому то, что было сказано, мне неясно. Но майор Ходжинс был очень дружелюбен с майором ... майором Гилбертом.».

Поскольку он думал, что она не замечала таких вещей, его счастье было более значительным, чем его удивление. Напряжение, которое раньше окружало их обоих, немного уменьшилось. Вайолет стеснялась Ходжинса, а Ходжинс стеснялся Вайолет.

«Значит так? С ним все в порядке ...?». Вайолет закрыла глаза и вздохнула с облегчением.

То, что медсестра описала как «хлопоты», возможно, относилось к этому. Тот, кто спрашивал о Гилберте, несмотря на то, что ей говорили, несомненно, доставлял хлопоты.

«Достижения вашего подразделения были особенно значительными. В качестве компенсации, было много жертв, но ... это одинаково для всех корпусов. Как и планировалось, вы вызвали подрыв, разрушили положение Севера, и мы смогли уничтожить их.».

«Врачи сказали мне ... что мы выиграли Великую войну. Но у меня нет ... никаких воспоминаний ... о самом конце.».

«Ты лежала на Гилберте, и вы оба потеряли сознание. Затем вы были спасены товарищем, который призвал подкрепление. Вы были близки к смерти, но хорошо, ни один из вас не умер. Твоя кровопотеря была особенно обильной.

— Твой уровень сопротивления выше, чем у людей.

Такие слова прошли у него в горле, но он не собрал их.

«Какая миссия ... у майора в настоящее время? Когда я должна присоединиться к нему? Мое тело ... не двигается, но ... оно вернется к нормальному состоянию через несколько дней. Предполагалось также, что майору был нанесен серьезный ущерб. Его глаз... » - голос Вайолет наполовину увял, - «я не смогла его защитить. Я, по крайней мере, останусь рядом с ним, чтобы заменить его.».

— Не очень хорошо... слишком верить... во что-то.

С самого начала девушка вообще не оплакивала потерю рук, а беспокоилась только о человеке,

которого не было. Ходжинс не мог искренне думать о ее слепой преданности.

— Доверие и вера - это разные вещи.

Позиция Вайолет была близка к вере. Способ мышления Ходжинса, был очень ориентирован на расчет прибылей и убытков. Будь то материальное имущество или любовники, переоценка не была выгодна. В противном случае любой случай внезапного предательства или исчезновения будет невыносимым. Он был очень страстным энтузиастом, когда дело дошло до социальной склонности, но его рассуждения были холодными.

«Это невозможно, маленькая Вайолет. Тот, кто должен беспокоиться о своем теле, это ты. Твои руки... ты, должно быть, уже заметила, но ничего не поделаешь. Я хотел, чтобы они ... наложили протезы более тонкого дизайна, но ... это военный госпиталь. В итоге они специализированны на боеспособность. Мне жаль..».

«Хорошо, что они крепкие. Почему вы извиняетесь, майор Ходжинс?..».

Когда его спросили, Ходжинс пожал плечами. У него не было слов, чтобы ответить. «Интересно, почему». Его брови опустились вниз, будто он был обеспокоен.

С этими словами разговор прекратился, и между ними возникла тишь. Возможно, из-за тишины лазарета, оглушительность молчание была сильна заметна.

«Маленькая Вайолет, ты хочешь что-нибудь съесть?»

Звук секундной стрелки часов, висящих на одной из стен лазарета.

«Нет, майор Ходжинс».

Шепчущие голоса медсестер и пациентов.

«Разве тебе не хочется воды?»

Их собственное дыхание.

«Это излишне».

Все они слишком заметно отозвались.

Изображение каждой пули потенциальных тем, застреленных в Вайолет, было разрезано ею с ее колдовским боевым топором, сыгранным в голове Ходжинса. Разговор не продвигался.

— Это проблема. Мысль, что парню, как я, будет трудно общаться с девушкой ...

Ходжинс внутренне застонал от того, насколько тяжело было угодить Воительнице Лейденшафтлиха.

Их единственной общностью был Гилберт Бугенвиль. Однако, поскольку она посвятила свое тело своему Господину до такой степени, что первое, о чем она просила после пробуждения, было его местонахождение, разве разговор о нём, не сделает её более опустошенной?

— Я имею в виду ... она вообще думает о чем-то другом? Кажется, она... одержима им.

Едва ли можно было представить, что девушка, которая выглядела как неорганическое и

утонченное произведение искусства, была живым существом. Была она жива или мертва? Если бы она была жива, чем она наслаждалась в своей жизни?

— Аааах... Гилберт, ты попросил довольно неприятную услугу.

Трудно было разделить людей на два типа, но были те, кто мог противостоять тишине, а кто - нет. Ходжинс был скорее последним. Его взгляд инстинктивно опустился на ноги, когда он бесцельно качал ими туфли. Когда его поникшие серовато-голубые глаза упали на пол, он что-то нашел. Затем он вспомнил о существовании того, что могло бы вытащить его из его дилеммы.

«Верно, я принёс подарки с визитом! Я избегал этого, мне сказали, что это будет мешать медсестрам, но я до сих пор вносил немало вещей. Вот.». Ходжинс взял бумажные пакеты из-под кровати. Он повернулся к Вайолет, которая не могла сесть, и вытащил плюшевого черного кота из одного из пакетов.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/4767/739098>